

Крытыка
і бібліяграфія

● *Приглашаем
к дискуссии*

Литературная цензура —

благо
или блажь?

В последнее время, размышляя о жизни, люди все чаще задают вопрос о цензуре. Так, знаменитая Галина Вишневская в интервью программе российского телевидения (*РТР. 10.10.2001*) сказала следующее: «Если не хватает культуры, воспитания, знания, пора вводить цензуру». Телевизионный канал «Культура» в передаче от 28.02.2002 предложил зрителям дискуссию на тему «Цензура необходима обществу». 6 тысяч рабочих одного из тульских заводов обратились с письмом к президенту России о введении цензуры. Есть и другие примеры, говорящие об актуальности проблемы. С 1991 года более или менее регулярно в России проводятся научные конференции, названия которых красноречивы: «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», «Цензура в России: история и современность», «Свободный доступ к информации и защита персональных данных» и другие. Но, как известно, если человек задает вопрос — значит, он еще не созрел для ответа.

Проблема цензуры вызывает интерес, стоит лишь заговорить о ней. Возможно, в процессе обсуждения, к которому призываем читателей, ответим на некоторые вопросы и найдем пути их разрешения. Каждый вправе иметь собственную оценку; в конце концов, любая позиция в той или иной степени диалектична и не может претендовать на неоспоримость.

Познакомившись с позицией авторов, кто-то посетует на недостаточно глубокую разработку обозначенного вопроса. Берясь за тему, вынесенную в заголовок, чувствуешь себя озорной белкой, прыгающей с дерева на дерево посреди густого леса. От белки глупо требовать усидчивости: у нее другая природа, да и лес слишком густой — не перескакивать с дерева на дерево почти невозможно. Поэтому вначале определим границы разговора и договоримся, что речь пойдет о литературной цензуре.

«Аптека для души»

Цензура как явление имеет свою иерархию, в которой условно выделяются: а) самоцензура; б) редакторская цензура; в) главлитовский контроль; г) идеологическая цензура. Безусловно, может быть еще несколько уровней контроля. Эти же, на наш взгляд, самые главные. Мы специально не обозначили их порядковыми номерами: провести между ними строгую регламентацию невозможно.

Чтобы сформулировать суть проблемной ситуации, приведем некоторые цифры.

Согласно годовому отчету Витебской областной библиотеки за 1999 год, общее число ее читателей составило 57 254 человека. К их услугам имелся фонд, состоящий из 716 957 экземпляров документов (книг, периодики, аудиовизуальных материалов и т. д.). В целом эти цифры вполне соответствуют тому благополучному образу (или, как теперь модно говорить, имиджу) «самых читающих в мире», который долгие годы был закреплен за СССР.

Если учесть тот факт, что у печатного слова, долгие годы выступающего в роли информационного монополиста, появились мощные конкуренты в лице телевидения и бурно прогрессирующего Интернета, то эти библиотечные показатели будут смотреться весьма солидно. Однако не будем спешить с выводами и снова обратимся к цифрам.

Около 80% читателей библиотеки, как показывают разного рода опросы, посещают эту «аптеку для души», чтобы утолить информационные потребности, связанные с учебной, рабочей, практической научной деятельностью и т. д. Сюда входят учащиеся и студенты, которые используют литературу, предусмотренную учебными планами, часто этим и ограничиваясь, а также аспиранты вузов, специалисты различных областей знаний, ученые и т. д. Они внимательно изучают документы, необходимые для работы над курсовой, дипломной, кандидатской, докторской и т. п. Это, казалось бы, должно вну-

шать оптимизм: ведь читают же. Но не делайте поспешных выводов и обратите внимание на такой аспект: сегодня люди приходят в библиотеку не столько по зову души, сколько в силу «производственной» необходимости. И в этом кроется еще одна проблема.

Согласитесь, мало приятного в том, что Толстого, Достоевского, Пушкина, Чехова, Коласа, Купалу, Фолкнера, Диккенса и всех, кто создал золотой фонд мировой литературы, читают всего лишь по необходимости.

Возможно, не стоило делать из мухи слона, если бы тенденция затрагивала только школьников. В наше время сложно ожидать глубокого понимания, например, Достоевского в 15 или повального чтения Толстого в 16 лет. В конце концов, для осознания большинства классических литературных произведений необходим немалый жизненный опыт. Человек должен пройти не один период становления. В начале этого пути, возможно, не обойтись без некоего насильственного толчка. Доминантной составляющей здесь, бесспорно, является не сознательный интерес к определенному произведению, а та самая «производственная» необходимость.

На данном этапе ситуация, пожалуй, вполне нормальная. Ведь школа, как, впрочем, и вуз, только обозначает путь и основные вехи этого пути. Здесь только приоткрывают дверь в мир литературы, а уж открыть ее шире или наглухо закрыть волен сам человек. Беда как раз в том, что сегодня большинство людей не просто закрывает, а еще и заваливает эту дверь, нагромождая разного рода литературный хлам, напроць забывая о том, что, несмотря на «разгул» электронных средств массовой информации, мы в большинстве своем остаемся верны печатному слову.

Читательские формуляры той же Витебской областной библиотеки говорят о том, что среднестатистический читатель прочитывает 4—5 книг в месяц. Согласитесь, для нашего суматошного века весьма неплохо. Но что же составляет круг интересов читателя? Что он читает для души?

Наряду с классической литературой вы обязательно найдете литературу откровенно бульварного толка, причем, как правило, в преобладающем количестве, в пропорции: на одну книгу золотого фонда человечества — три-четыре книги «литературы для парикмахерской». Эти однодневки, заполняя сегодня духовный мир читателя, проповедают далеко не высоконравственные принципы и уж точно не способствуют моральному оздоровлению общества.

Конечно, чрезмерное увлечение бульварщиной — явление не новое. Вот что по этому поводу писал Н. А. Рубакин: «Беллетристика притягивает к себе всевозможных представителей человечества всех рангов и положений. Такие читатели ищут заглавий пострашнее и позамысловатее («Полны руки роз, золота и крови», «С брачной постели на эшафот» и др.). Они спрашивают одну книгу за другою. Если на какой-либо странице попадет описание какого-либо «раздирательного» события — выстрел, кровь и т. п. — читатель берет книгу для прочтения». Эту цитату мы взяли из книги Н. Рубакина 1895 года, но сказанное приложимо и к сегодняшнему дню. Можно утешать себя тем, что раз тенденции не один десяток лет, то ничего смертельного в ней нет. Чрезмерное увлечение легкой литературой — это всего лишь периодически повторяющийся естественный виток литературной эволюции. Декаданс в конце века — явление обычное.

Тем, кто подобным образом рассуждает, посоветуем обратить внимание на такую особенность: то, что в XIX веке считалось легкой литературой, в наше время довольно трудноподъемно. Дюма, Бальзак, Сервантес, даже в некоторой степени Достоевский — все это синонимы легкого чтения вчера. А сегодня? И еще. Даже легкая литература XIX века несла в себе некий положительный заряд. Во всяком случае, она не отучивала мыслить, а значит, не лишала надежд на спасение. А что ожидает нас, переживающих декаданс на рубеже не веков, а тысячелетий? Или, может быть, стоит все списать на «нормальный» ход истории?

За моральным кризисом неминуемо следует социальный взрыв, с каждым новым витком истории его последствия все более и более разрушительны. Очередного чудовища, порожденного сном разума, мы можем просто не пережить.

Но как победить своих чудовищ? Каким оружием убить дракона? Моральными устоями? С помощью чего их формировать? Литературы? Тогда обязательно нужно помнить, что литература — это не какая-то эфемерность, которую прочел и забыл. Она оставляет отпечаток, заставляет человека все время анализировать, разбираться в нравственных проблемах, окружающих его. Помощником для него становится книга, если он ее медленно, вдумчиво читает. И читает стоящее, а не ту требуху, которой издается все больше. Ведь над книгой надо задуматься, а не просто проглотить ее. Прочитанное надо пережить, попробовать применить его ко времени и к себе, к какой-то сложной житейской ситуации. А потом выработать свой принцип поведения, уяснить, как должно себя вести. Все это можно почерпнуть в литературе. Но как отобрать из великого множества то самое, как отделить зерна от плевел, как оградить умы и сердца людей от потока лжеискусства и лжелитературы? Наш ответ придется по вкусу не всем. Он прост, но и парадоксален — с помощью цензуры.

Моральный беспредел невыносим!

Цензуру часто отождествляют со многими негативными явлениями в обществе. Цензура погубила и покалечила немало творчески одаренных личностей. Цензура в определенные времена была врагом литературы.

Первое спецхранилище возникло в России еще в 40-х годах XVIII века (так называемая «секретная камора»). В XIX столетии оно появляется в Императорской публичной библиотеке. Число книг, упрятанных в спецхранилище, составляло несколько сотен. Когда же в 1989—1990 годах открыли спецхраны, в них насчитывалось до полумиллиона книг и периодических изданий.

Сотрудники госбезопасности на протяжении десятилетий следили за правилами допуска в спецхраны читателей, их читательские формуляры внимательно изучались. Причем все делалось тайно. И появившийся термин «библиоцид» (созданный по аналогии с геноцидом) соответствовал политике небывалого в истории уничтожения книжных богатств.

Мы ратуем за другую цензуру. Цензуру, выполняющую роль заградительного барьера на пути похабщины и бездуховности, сознательно берущую на себя роль санитара, неприятную многим, но необходимую. Мы говорим о внутренней цензуре человека (синонимы — автоцензура, внутренний редактор, внутренний цензор, самоцензура, моральная цензура). О цензуре, без которой не обойтись. О цензуре — своего рода защитном механизме. О цензуре, которую мы потеряли.

Романтиков от политики, кому посчастливилось участвовать в «великих» демократических преобразованиях конца 80-х — начала 90-х годов прошлого столетия, сложно обвинять в том, что, начертав на своих знаменах: «Долой тоталитаризм! Да здравствует свобода и демократия!», — они постарались извести грибок цензуры, шедшей рука об руку с ненавистной им системой. Цензуру в СССР в 1987 году отменили. Извести грибок, пожалуй, удалось. Вернее, удалось по отношению к цензуре, которая стояла на страже той политической системы. Но в романтическом угаре теряешь способность трезво оценивать последствия своих поступков. А ведь еще древние говорили, что «все зло на земле происходит от незнания последствий своих поступков».

Реально романтическая свобода вскоре приняла весьма уродливые формы. Создалось впечатление, что с уходом цензуры внешней, политической замолчал и наш внутренний цензор. В настоящее время практически не существует литературной цензуры, читатель волен знакомиться с тем, что считает нужным (или что попадает под руку). Но ведь чтение — явление динамичное. Пространство чтения, его структура, содержание, тенденции как непосредственно, так и опос-

средованно зависят от взаимосвязи множества объективно-субъективных характеристик. Но в этом пространстве отчетливо живет личностное «я».

Приведем данные опроса библиотечного и внебиблиотечного чтения российских детей 6—12 лет (опрашивалось 300 респондентов, мальчиков и девочек поровну; сведения почерпнуты из журнала «Библиотека» за 2000 год, № 2). Почти 90% занимается в их чтении художественная литература, и тяготение к ней явное. В городских библиотеках спрос на зарубежную детскую литературу составляет 66%. То, что зарубежная литература превалирует в чтении над отечественной, можно объяснить в определенной степени тем, что именно классика мировой детской литературы составляет основу предпочитаемых жанров (литературная сказка, авторская сказка, приключения, современная фантастика, детский детектив). Нельзя забывать о том, что на детей влияют такие факторы, как состав книжных фондов (кто их формирует — вопрос отдельный), библиотекарь, помогающий выбрать ребенку книгу, состав книгоиздания для детской аудитории и т. п. 72% детей, как показало исследование, выбирают книги самостоятельно.

Мы чем-то похожи на покупателей, которым долгие годы предлагали строго определенный набор товаров. Признаем, что множество достойных внимания товаров оставалось под запретом. Но вот запреты сняты, ограничений нет, все доступно. Что в итоге? Человек бросается утолять голод запретного, хватая все, что носит принципиально новый характер, отличный от того, что предлагалось ранее. Этот процесс проходит очень по-русски: не зная удержу, не ведая меры, не признавая ограничений. Качество новых товаров уже не играет роли. Глупость, закамуфлированная под оригинальность. Бездуховность, прикрывающаяся святостью. Насилие, подлость и предательство, налевшие на себя белые одежды, мантию благородства и справедливости. Все это доверху наполняет нас сегодня. Моральный беспредел невыносим!

В том, что мы не смогли распорядиться свалившейся на нас свободой, нет ничего удивительного. Ведь мы забыли, что свобода — это осознанная необходимость. Свобода, не подкрепленная идеей, подобна анархии. Так что же, свободу надо разбавлять, в чистом виде она слишком кружит голову? Или она не под силу слабому человеку?

Свободу пытались разбавить религией. Идеальный вариант, но мы слишком далеко ушли за годы советской власти от религии.

Свободу пытались состыковать с национальным самосознанием. Но здесь напомнили о себе тоталитарное прошлое и «прививки» интернационализма.

Есть понятие «свобода». Вряд ли кто-то будет отрицать необходимость свободы. Есть свобода торговли. И люди согласятся на ее наличие. Есть свобода торговли... наркотиками. Вы — за? А если литература становится наркотиком, как вы к этому относитесь?

Еще лет 15—20 назад читателю доступно было лишь то, что предлагал ему огромный маховик советской цензуры, стоящий на страже системы, которая не допускала инакомыслия в принципе. Был даже декрет об обязательном (контрольном) экземпляре. Сегодня не все издательства выполняют закон об обязательном экземпляре. А ведь он был принят в 1994 году. Суть его: опережая зачастую изготовление основного тиража, этот обязательный экземпляр проходил выборочную проверку на предмет политического и идеологического соответствия последним установкам. «Нафталиновые» классики соцреализма, о многих из которых сегодня уже и не вспоминают, часто заменяли собой целый пласт тех, кто не разделял идей системы, и тех, у кого был хотя бы намек на оппозиционность или кто «вышел за флажки». Запрещали Набокова, чтобы печатать Маркова. При этом парадоксально, но факт: выхолащивая неугодную систему литературу и тем самым лишая нас важной составляющей мировой литературы, цензура устанавливала своеобразный санитарный кордон для бездуховной литературы и литературы бульварного толка, которой наводнен мировой (главным образом западный) книжный рынок. В этой ситуации, помимо обязательных

классиков марксизма-ленинизма и соцреализма, читателю оставались те подлинники титаны мировой литературы, которые всегда над системой и выше любых запретов. Справедливости ради заметим, что в периоды особо рьяно-показательной борьбы за «чистоту рядов» неприкосновенные классики все же получили свою порцию цензурских «купюр».

Так все же нуждается литература в «санитарном кордоне» или нет? Кто будет отслеживать и назначать карантин хотя бы на уровне обязательного экзамена? Что должно быть в законодательстве? Что делать с Интернетом? Какую миссию должна выполнять литературная критика — своеобразный цензор?

Пока мы ищем ответы на эти и другие вопросы, «санитары» уже появились. Приведем только один пример. Сегодня российская организация «Идущие вместе» предлагает обменять книги Пелевина и Маркса на книги Б. Васильева... Вы — за?

Вопрос о литературной цензуре может вызвать бурю протестов со стороны тех, кому претит любая форма контроля над творчеством, кроме признания или непризнания людей. Современный читатель имеет право выбора на жизнь без кордонов. А если он только вступает в жизнь и к свободе еще не готов? А если для него цензура — последний шанс выжить?

Помните ли вы, как умирал «дракон тоталитаризма»? С каким воодушевлением мы срубали его последнюю голову, надеясь, что теперь-то заживем, как люди, — свободно, без драконов. Возродив «санитарные» отряды (цензуру), мы можем снова утратить чувство меры и шаг за шагом воскресить умерщвленного нами же дракона. Только он будет еще более жесток. Мы, наверное, снова одолеем его. Чтобы вновь возродить?

Как же порвать порочный круг? Ответ прост: убить дракона в себе, побеждая его каждый день, каждый час. Иного пути нет.

Один молодой человек, сражающийся сегодня со своим драконом, написал:

Мы не рабы! Рабы — не мы!

Из века в век одно и то же. Из пустого да в порожнее.

Но ведь у кого что болит, тот о том и говорит.

Как-никак — народная мудрость, а против нее не попрешь.

Хотя пытались, и не раз, бубня себе под нос все так же и все то же:

«Мы не рабы! Рабы — не мы! Мы разорвем кандалы, разрушим тюрьмы.

Посадим сады, чтобы в них райские птицы пели!»

И мы рвали гондолы, рушили тюрьмы, пытались сажать сады.

Но кто-то начинал воровать лопаты, а кто-то стрелять по райским птицам.

И чтобы хоть как-то обезопасить свою мечту, мы начинали ковать кандалы, строить тюрьмы, вопя все ту же фразу без изменений:

«Мы не рабы! Рабы — не мы!»

Должно быть, со стороны это очень весело.

Только почему-то нам хочется плакать...

Наталья БУЛАЦКАЯ,
заведующая кафедрой мировой литературы
Белгосунiversитета культуры,
кандидат филологических наук, доцент

Сергей ЧУБАРОВ,
студент-выпускник факультета
библиотечно-информационных систем БГУК